

Как курско-орловский
диалект стал основой
русского
национального языка
(К истории дискуссии
по языкознанию
1950 года)

**Петр Александрович
Дружинин**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

How the Kursk-Oryol
Dialect Became the
Basis of the Russian
National Language
(On the History of
the 1950 Linguistics
Debate)

Petr A. Druzhinin

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В 1950 г. в ходе «дискуссии по языкознанию» И. В. Сталин объявил основой русского литературного языка курско-орловский диалект; это утверждение поставило в тупик лингвистов. Однако в силу политической ситуации, которая не позволяла ставить это утверждение под сомнение, постулат о курско-орловском диалекте считался базовым для науки о русском

Выражаем искреннюю благодарность проф. М. Б. Попову (СПбГУ),
прочитавшему текст в рукописи и высказавшему ряд важных замечаний.

Цитирование: Дружинин П. А. Как курско-орловский диалект стал основой русского национального языка (К истории дискуссии по языкознанию 1950 года) // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 135–156.

Citation: Druzhinin P. A. (2024) How the Kursk-Oryol Dialect Became the Basis of the Russian National Language (On the History of the 1950 Linguistics Debate). *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 135–156.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.05

литературном языке вплоть до развенчания культа личности. История появления этого термина остается неизвестной, хотя с самого начала выдвигались различные версии: первая, опубликованная в 1956 г., принадлежит В. В. Виноградову. Вслед за ним на протяжении более чем полувека выдвигались и другие; все они сводились к тому, что имело место заблуждение Сталина. Автор статьи настаивает, что термин был выработан И. В. Сталиным неслучайно, причем не был изменен под воздействием мнений даже таких авторитетов как С. И. Ожегов и В. В. Виноградов. В доказательство приводится ранее неизвестное письмо Г. Д. Санжеева по проблеме курско-орловского диалекта, которое сохраняется в архиве Сталина. Относительно самого термина автор высказывает предположение, что он происходит от неверной трактовки Сталиным или его помощниками сведений, ранее опубликованных в языковедческой литературе. В подтверждение представлен ряд положений из работ лингвистов, в том числе А. И. Соболевского и А. А. Шахматова. С опорой на эти работы делается вывод, что формулировка Сталина о курско-орловском диалекте происходит из неверной трактовки теории А. И. Соболевского о древнекиевском говоре как великорусском.

Ключевые слова

Сталин, лингвистика, курско-орловский диалект, Соболевский, Шахматов

Abstract

In 1950, during the “linguistics debate”, Joseph Stalin declared the Kursk-Oryol dialect the foundation of the Russian literary language. This statement puzzled linguists. However, due to the political situation, which did not allow this statement to be questioned, the postulate regarding the Kursk-Oryol dialect was accepted as a cornerstone of the study of the Russian literary language until the denunciation of Stalin’s cult of personality. The origins of this term remain unknown, although various theories were proposed from the outset. The first explanation, published in 1956, was suggested by Viktor Vinogradov. Following him, for over half a century, other hypotheses were put forth, all converging on the notion of Stalin’s misunderstanding. The author of this article argues that Stalin formulated the term deliberately, and that it was not changed even under the influence of even such authorities as Sergei Ozhegov and Viktor Vinogradov. As evidence, the author presents a previously unknown letter from Garma Sanjeev on the issue of the Kursk-Oryol dialect, preserved in Stalin’s archives. Regarding the term itself, the author hypothesizes that it originated from Stalin’s or his aides’ misinterpretation of information previously published in linguistic literature. To substantiate this, the article cites several points from the works of linguists, including Alexei Sobolewsky and Alexei Shakhmatov. Based on these works, the conclusion is drawn that Stalin’s formulation of the Kursk-Oryol dialect was derived from a misinterpretation of Alexei Sobolewsky’s theory, which identified the Old Kiev dialect as the proto-Great Russian dialect.

Keywords

Joseph Stalin, Kursk-Orel dialect, Linguistic Debate, Alexei Sobolewsky, Alexei Shakhmatov

Как известно, выступление И. В. Сталина 20 июня 1950 г. по вопросам языкознания принесло отечественной гуманитарной науке освобождение от марризма, но в области изучения русского языка на смену «новому учению о языке» Н. Я. Марра пришло новое учение И. В. Сталина с аксиомой о происхождении русского национального (т. е. литературного) языка от курско-орловского диалекта. Избавиться от его довлеющего воздействия на науку о русском языке удалось только после развенчания культа личности Сталина.

I.

Сперва коснемся историографии вопроса и представим ряд ранее неизвестных фактов о событиях 1950 г. Родилась теория курско-орловского диалекта 11 июля, когда И. В. Сталин ответил на смелое и важное в контексте языковедческих вопросов письмо лингвиста-монголоведа Г. Д. Санжеева, где тот указывал на спорность тезиса Сталина о том, «что после формирования литературного языка его дробление на языки уже невозможно», на что Сталин был вынужден ответить уточнением своей позиции [Алпатов 2004: 188].

В своем ответе Сталин пишет, что письмо Г. Д. Санжеева ему передали из аппарата ЦК накануне («только вчера»), т. е. 10 июля; если верить этим словам, то обдумывание и написание ответа Г. Д. Санжееву заняло у главы государства не более суток: 11 июля текст был уже закончен. При этом мы, конечно, не знаем, что происходило с письмом до того, как оно легло на стол Сталина и какие дополнительные материалы были одновременно приготовлены для автора ответа. Подлинник рукописи сохранился в сталинском архиве¹, и мы приведем его текст ниже с указанием правки в документе:

Уважаемый товарищ Санжеев!

Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, так как только вчера передали мне Ваше письмо из аппарата ЦК.

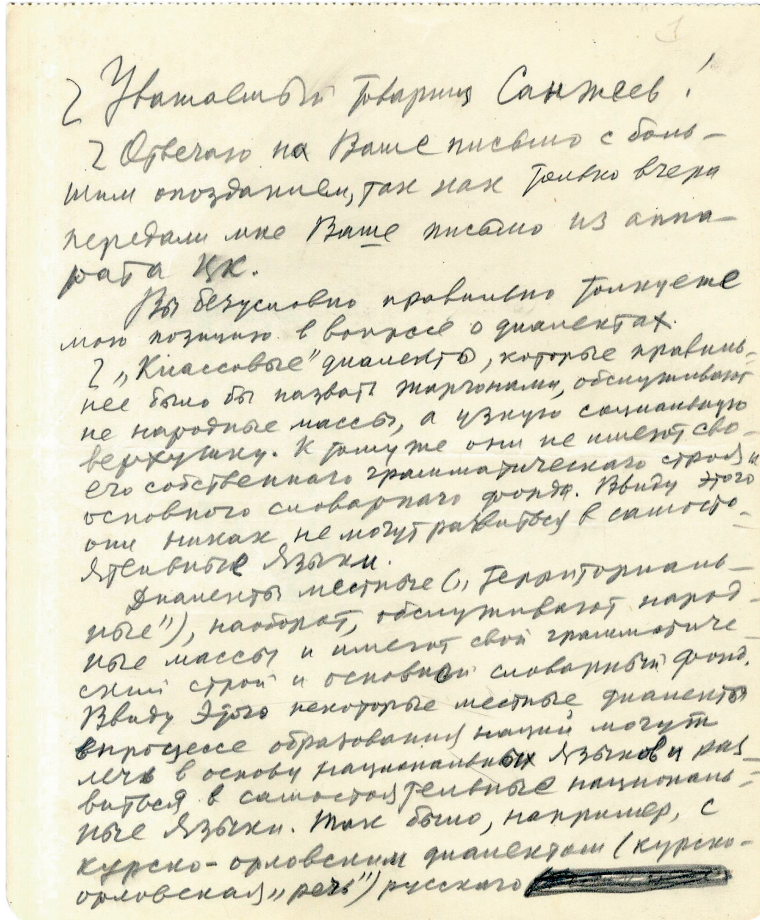
Вы безусловно правильно толкуете мою позицию в вопросе о диалектах.

«Классовые» диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиться в самостоятельные языки².

Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1254. Л. 48–49.

² Первоначально в рукописи: «самостоятельный язык».

наций могут лечь в основу национальных языков³ и развиваться в самостоя-
тельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диа-
лектом (курско-орловская «речь») русского языка⁴, который лег в основу рус-
ского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском
диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального
языка. Что касается остальных диалектов таких⁵ языков, то они теряют
свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них.

³ Первоначально в рукописи: «национального языка».

⁴ Перед словом «языка» вымарано слово в скобках, безошибочно прочесть которое
мы не смогли, но возможно, что это «(великорус-/ского)».

⁵ Слово написано поверх вымаранного «русского и украинского».

~~И~~ ² Языка, который лег в основу русского национального языка. Там же самым путем ^{украинский язык} идет о пиджачно-киевском диалекте ^{русского} который лег в основу украинского национального языка. Что касается гарантий диалектов, то они терпят крах вследствие государственного распада ^{этой} народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотью в едином ~~языке~~ языке, оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. ^{возможно} ^{например} ~~что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком,~~

И. Сталин.

1950 г. 11 июля.

И. В. Сталин. Ответ Г. Д. Санжееву, 11 июля 1950. Автограф

Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией всилу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотью в едином языке⁶, — оживают, и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком.

И. Сталин.

1950 г. 11 июля.

⁶ Первоначально в рукописи: «национальном языке» (первое слово вымарано).

Имеется вероятность, что к моменту написания ответа Г. Д. Санжееву Сталин оперировал теми знаниями, которые получил в процессе написания своей основной работы. Тем более что к тому времени вопрос о ситуации в языкознании был уже решен: 1 июля 1950 г. Президиум Академии наук СССР в своем экстренном заседании принял заранее согласованное с аппаратом ЦК постановление «О состоянии центральных органов языкознания», текст которого был в тот же день формально одобрен Секретариатом ЦК ВКП(б) — И. В. Сталин на выписке из протокола начертал своей рукой «За» и расписался⁷ [воспр.: Дружинин 2024: ил. 59]; 3 июля 1950 г. этот документ был проведен уже как постановление Политбюро ЦК [Есаков 2000: 455–456].

Повторим интересующий нас фрагмент, окончательный текст которого и в рукописи, и в дальнейших публикациях ответа Г. Д. Санжееву выглядит одинаково: «..некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка».

После того как текст письма был перепечатан, экземпляр был отдан адресату: личный помощник вождя А. Н. Поскребышев вел непосредственную работу с лингвистами. Весть о новой теории моментально разнеслась в филологическом мире. 15 июля 1950 г. славист С. Б. Бернштейн записал в дневнике: «Появилась еще одна лингвистическая статья Сталина. Это ответ на письмо Санжеева. Пока она еще не опубликована. Вчера мне дал почитать ее Санжеев, который теперь очень возгордился. Мне кажется она наименее удачной. Странные утверждения о курско-орловской основе русского литературного языка. Решительно для всех новость. Не завидую нашим русистам» [Бернштейн С. Б. 2002: 152].

Санжеев не только ознакомил многих филологов с ответом Сталина, но даже способствовал кулуарной дискуссии у русистов. Вероятно, наиболее очевидное, что сразу могло им вспомниться в связи с такой географической характеристикой, — это данные из «Диалектологической карты» 1915 г., однако выделенная там группа так называемых южно-великорусских говоров с диссимилятивным яканьем (группа «А») хотя и распространяется на говоры в том числе Курской и Орловской губерний, но также и на уезды Тульской губернии и части Области Войска Донского; название же этой группы — «Южная, или Орловская» [Дурново 1915: 29]; да и касалось это все-таки отнюдь не «основы русского национального языка».

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1554. Л. 90.

Хотя ошибка Сталина была очевидна, ученые не имели никакой возможности игнорировать подобное утверждение, поскольку оно было изречено корифеем всех наук. Победа над марризмом стоила подобных издержек, однако скрупулезный Г. Д. Санжеев, понимавший всю сложность момента и не обладавший в таких случаях терпением промолчать, постарался предупредить последствия.

Как показал просмотр эпистолярия личного фонда И. В. Сталина, Г. Д. Санжеев написал еще одно письмо товарищу Сталину, однако сделал это тонко, адресовав обращение на имя А. Н. Поскребышева. Впрочем, цель была достигнута: письмо это все равно оказалось на столе у Сталина. Приведем его текст полностью⁸:

Уважаемый товарищ Поскребышев!

Пишу Вам это письмо в порядке информации по поводу тех разногласий, какие возникли среди ученых-русистов в связи с письмом И. В. Сталина от 11 сего июля.

Одни из русистов (например, С. И. Ожегов, основной работник по «Толковому словарю русского языка» Ушакова) предполагают, что под курско-орловским диалектом И. В. Сталин понимает речь северян времен Игоря [Святославича] Новгородского (памятники: «Слово о полку Игореве» и другие)⁹.

Другие (например, профессор Ф. П. Филин), наоборот, думают о второй половине XVI и начале XVII века, когда в районе Курска и Орла оказалось густое русское население, социальная опора Ивана IV и среда Болотникова, население, речь которого именно в этот период сильнее всего сказалась в Москве (например, в акании, а до XVI века якобы преобладало окание). К тому же XVI век — ближе ко времени образования русского и украинских национальных языков (и наций).

Наконец третьи (например, академик В. В. Виноградов) считают, что не следует сразу же пытаться датировать курско-орловский диалект, что прежде всего следует изучить вопрос и определить, в какой степени русисты окажутся в состоянии отказаться от традиционной концепции о московской основе русского литературного, национального, языка, поскольку речь о курско-орловском диалекте всплывает для них, русистов, совершенно неожиданно.

Представители первой и второй точек зрения полагают, что отказ русистов от традиционной концепции о московском говоре русского литературного языка может оказаться осуществимым на следующей основе:

а) основными диалектами русского языка являются северные и южные (курско-орловские, в частности);

б) весьма малочисленное коренное население Москвы, первоначально весьма небольшого поселения, давным-давно было смыто последовательными волнами пришлого населения то с севера (Владимира, Суздаля и т. д.), то с юга;

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1263. Л. 6–8.

⁹ В состав Новгород-Северского княжества в XII в. входил Курск; Орел основан только в XVI в.

в) поэтому в Москве происходило постепенное скрещение северных и южных диалектов и как бы борьба между ними, в результате чего победил курско-орловский диалект именно в XVI и в начале XVII века, но не образовался какой-то новый, московский, говор (ср. указание И. В. Сталина о том, что в результате скрещения языков получается не новый язык, а побеждает один из них).

Сообщаю Вам об этом на случай, если Вы найдете, что оно, изложенное, может оказаться небезынтересным для Иосифа Виссарионовича.

Многие русисты подзадоривали меня обратиться к И. В. Сталину с новой просьбой, чтобы он в своем письме от 11 июля, после слов «курско-орловская речь», добавил бы всего два разъясняющих слова: «такого-то века». Но академик Виноградов такое обращение считает преждевременным, не говоря уже о том, что оно, обращение, было бы проявлением с нашей стороны излишней назойливости.

Что касается содержания последнего абзаца в письме И. В. Сталина, то оно, по мнению почти всех русистов, соответственно вполне применимо к положению с диалектами единой общерусской, восточнославянской, речи эпохи распада Киевской Руси.

Что касается монголистов, от имени которых я и позволил себе побеспокоить нашего вождя своим письмом от 30 июня, то они вполне удовлетворены его разъяснением и бесконечно ему благодарны за внимание.

Наконец, товарищ Поскребышев, просим Вас помочь нам, языковедам, в одном затруднении.

Мы не можем позволить себе не сослаться на И. В. Сталина, ибо использование его мыслей без ссылки на него было бы несомненным плагиатом, если бы даже наш вождь и уступил нам свое авторство. С другой стороны, ссылка же на неопубликованный документ встретит, вероятно, препятствие со стороны Главлита. А между тем содержание письма И. В. Сталина столь существенно, что не учесть его никак не возможно.

Как нам быть?

С приветом

Г. Санжеев

24 июля 1950 г.

Судя по пометам Сталина, его внимание более всего привлекли слова о затруднительности публичного цитирования его ответа Г. Д. Санжееву и последняя вопросительная фраза. Нельзя не отказать Сталину в убежденности: он ничего не изменил в своем тексте, оставив в неприкосновенности и «курско-орловский диалект», после чего включил в «Ответ товарищам». 28 июля члены Политбюро получили следующее извещение [Илизаров 2012: 365]:

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю для ознакомления «Ответ товарищам» по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера субботы не поступит от вас замечаний, буду считать ответы одобренными. Предполагаю опубликовать их в очередном номере «Большевика», выходящем 31 июля.

И. Сталин

Никаких замечаний до вечера субботы (29 июля) от соратников не поступило, и 31 июля свежий номер «теоретического и политического журнала ЦК ВКП(б) “Большевик”» открывался этой публикацией. Лингвистам ничего не оставалось, кроме как смириться с новой аксиомой. Впрочем, не только лингвисты, но и историки, археологи, этнографы вынуждены были примириться с этим тезисом и не только искать ему объяснения, но и выдвигать на этом основании новые исторические концепции [Тихонов 2015].

Отметим, что нередко дата и место первой публикации указываются ошибочно — газета «Правда» от 2 августа [Куликов 2022: 29], тогда как напечатан «Ответ товарищам» был сперва «Большевике» [Илизаров 2012: 328]. В данной связи обратим внимание и на библиографический обзор, опубликованный в 1951 г. в Мюнхене бывшим зав. кафедрой Киевского госуниверситета Л. В. Дудиным: «Основная статья и эти четыре письма были сведены в одну брошюру, размером в 55 стр., и опубликованы Госполитиздатом СССР тиражом в несколько миллионов, а затем брошюра была переведена на несколько десятков языков. Теперь эта тощая брошюра именуется книгой и официально причисляется к самым великим творениям человеческого гения» [Дудин 1951: 38].

Возможно, Сталин изначально и не предполагал печатать свои «Ответы товарищам» — тогда бы ответ Санжееву не лежал три недели без движения, а был бы напечатан ранее; однако именно замечание о том, что лингвистам необходимо иметь возможность ссылаться на живого классика, поспособствовало обнародованию.

Как показывает личный архив Сталина, мало кто осмеливался задать вопрос о новом диалекте. Едва ли не единственным филологом, кто обратился к Сталину по этому поводу, была «ассистент кафедры русского языка Воронежского пединститута Клементьева». Это — будущий доктор филологических наук Марина Васильевна Федорова (1923–2010), которая в 1942 г., будучи студенткой Казанского университета, ушла добровольно на фронт, дошла до Берлина, в 1946 г. была демобилизована и продолжила образование в Воронеже, где затем начала преподавание. Она отправила свое письмо 17 января 1951 г.¹⁰

Уважаемый Иосиф Виссарионович!

Убедительно прошу ответить Вас, на каком основании Вы считаете курско-орловский диалект основой русского национального языка?

До Вашего выступления этой основой считался московский говор.

Языковедческая литература никаких указаний не даёт, диалектологи — тоже, а студенты требуют чёткого ответа на вопрос «почему?».

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1260. Л. 75–75об.

Ответа, конечно, не последовало; к тому времени сами лингвисты пытались ответить на вопрос «почему», выявляя влияние курских и орловских говоров на русский литературный язык и доказывая сталинский тезис с различной степенью убедительности.

После XX Съезда КПСС проблематика «курско-орловского диалекта» стала терять актуальность, а 16 июня 1958 г. эта теория был низвергнута с пьедестала. В этот день в заседании общего собрания ОЛЯ АН СССР состоялся доклад С. И. Ожегова под названием «К вопросу о диалектной базе русского национального языка»¹¹:

Доклад С. И. Ожегова был посвящен одной из актуальнейших проблем истории русского языка. Как известно, в 1950 г. И. В. Сталин в ответе Г. Д. Санжееву о развитии территориальных диалектов высказал мысль о том, что в основе русского языка лежит курско-орловский диалект. Хотя выдвижение этой гипотезы, указывает докладчик, и не сопровождалось какими-нибудь лингвистическими или историческими аргументами, перспектива открытий в области менее изученного русского юга стала очень привлекательной и для лингвистов и для историков. Однако попытки обосновать новую гипотезу нельзя назвать успешными. В этих попытках искомое представлялось уже заранее данным, новые лингвистические материалы не привлекались, а изображение исторических процессов развития русского народа не было основано на анализе всесторонних данных. Большинство занимавшихся этой проблемой опору для подтверждения гипотезы искало в истории населения курско-орловской территории [...]

Докладчик считает, что гипотеза о курско-орловской основе национального языка не могла получить научного обоснования потому, что она не имеет почвы в реальном историческом процессе. В противном случае не было бы надобности прибегать к установлению прямой преемственной связи между курско-орловским диалектом и племенными восточно-славянскими диалектами, к чему в явной или скрытой форме склонялись сторонники гипотезы; к аргументации великорусским языковым материалом вместо курско-орловского, специфических структурных черт которого явно нет в национальном языке; к одностороннему, явно тенденциозному признанию особо выдающейся роли южновеликорусского юга и главным образом курско-орловского района в момент формирования нации, независимо от того, каким временем датировался этот момент [Козлов 1958: 474–475].

¹¹ Оговоримся, что постоянное употребление термина «национальный язык» применительно к литературному диктовалось исключительно формулировкой Сталина, которая восходила к лингвистическим работам 1930-х гг., где «по недостаточно прочно установившейся терминологии» понятия «общий», «национальный», «литературный» язык были синонимами [Жирмунский 1936: 6]. Но поскольку Сталин выбрал именно этот термин, то лингвистам формально было невозможно от него отойти. То есть при обсуждении сталинских установок ученые вели речь именно о русском литературном языке.

Отделение поддержало докладчика, а В. Н. Сидоров счел «вопрос о курско-орловском диалекте, как базе национального языка, случайным эпизодом в истории нашего языкознания» [Козлов 1958: 476].

Вероятно, в 1958 г. хотелось бы забыть об этом эпизоде в истории языкознания, однако загадка «курско-орловского диалекта» волновала как современников дискуссии по языкознанию, так и следующие поколения лингвистов.

Еще 16 июня 1958 г. «акад. В. В. Виноградов высказал мнение, что гипотеза о курско-орловской диалектной базе национального русского языка могла возникнуть в связи с тем, что завершение формирования русского национального языка относилось к середине XIX в., а в это время развернулась деятельность тех влиятельных русских писателей, которые происходят, по рождению, из курско-орловского края» [Козлов 1958: 476].

В дальнейшем эта версия была усилена цитатой из М. Горького («Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской, губерний») и переродилась в устах Ю. М. Лотмана в ее военно-литературный вариант: «Эта идея, смешавшись с военными впечатлениями от орловско-курского направления (1943 г.), дала основание странной концепции о происхождении русского языка из никогда не существовавшего орловско-курского диалекта, концепции, доставившей лингвистам в свое время много затруднений» [Лотман 1993: 184]¹². В 1978 г. Ю. М. Лотман изложил свои мысли в статье «История одной концепции», которая до сих пор сохраняется среди бумаг ученого [Трунин 2020: 114]. Впрочем, эта версия лингвистам не казалась основательной, что, возможно, стало и одной из причин, по которым статья Ю. М. Лотмана так и не была опубликована.

Собственно, к 1990-м гг. ученые уже смирились с тем, что причину такого термина установить не удастся, почему в 1991 г. В. М. Алпатов и высказался про него вполне определенно: «Откуда он взялся — неясно» [Алпатов 2004: 189]. В переиздании появляется комментарий: «Мне известны две гипотезы о происхождении высказывания про курско-орловский диалект. Наиболее известна версия, восходящая к В. В. Виноградову: Сталин неадекватно понял высказывание М. Горького о том, что во второй половине XIX в. главными хранителями русского литературного языка были писатели-орловцы (Тургенев, Лесков, Бунин

¹² Оговоримся, что здесь налицо не совсем верная с лингвистической точки зрения формулировка: у Сталина все-таки речь шла скорее о диалектной основе норм литературного («национального») языка, а не о прямом происхождении русского языка из курско-орловского диалекта.

и др.). Лингвист Л. И. Куликов, однако, высказал другую гипотезу: в “курско-орловском диалекте” в связи с его географическим расположением Сталин увидел аналог франкского диалекта, о котором писал Ф. Энгельс» [Алпатов 2004: 246].

Последняя гипотеза была недавно обнаружена [Куликов 2022]: формулировка Сталина объясняется влиянием работы Энгельса «Франкский диалект», но не столько самой работы, сколько совпадением ареала франкских диалектов на карте Германии с территорией на карте РСФСР: «И Курская с Орловской области, и центральная подгруппа франкских диалектов занимают центрально-юго-западную часть соответствующих территорий (соответственно, европейской части РСФСР и Германии). Не в этом ли ключ к разгадке возникновения “курско-орловского диалекта”? Не возник ли “курско-орловский диалект” как результат такой проекции?» [Куликов 2022: 41]. Доказывается же гипотеза тем, что «Сталин любил и хорошо знал географические карты: об этом есть многочисленные свидетельства» [ibid.].

Эти версии, которые сводятся к невольной ошибке Сталина, входят в противоречие с ранее неизвестным письмом Г. Д. Санжеева: как мы видим, Сталин принципиально остался верен своей формуле, а для такой убежденности должно быть что-то более весомое, нежели карта Франконии или воспоминания о военных операциях Красной Армии.

Поскольку Сталин стал лингвистом-любителем незадолго до своего выступления, вряд ли у него был накоплен багаж лингвистических знаний, поэтому следует задуматься, откуда в первой половине 1950 г. он мог черпать языковедческие сведения? Источников несколько: литература по языкознанию, беседы (в том числе с А. С. Чикобавой; о других личных встречах мы доподлинно ничего не знаем), а также материалы и выписки, которые готовились секретариатом.

В связи с этим нужно сделать важную ремарку. В «Большевике» после «Ответа товарищам» идет статья бывшего главы Агитпропа ЦК, академика Г. Ф. Александрова «Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма» [Александров 1950], которую исследователи единодушно игнорируют; за исключением Б. С. Илизарова, упомянувшего, что в том же номере «помещена словоблудная статья одного из руководителей пропагандистского аппарата» [Илизаров 2012: 365]. Однако статья представляет интерес.

Дело в том, что в числе разбираемых там сталинских работ оказывается и «Ответ товарищам», который впервые был напечатан в том же номере. Из-за этого «статья эта явилась своего рода сенсацией в Москве» [Дудин 1951: 39], поскольку «Это был случай совершенно необычный для советских условий, но доказывал, что Александров был

одним из советников Сталина при составлении последним работ по языкознанию» [Ibid.]. Нам сложно подтвердить или опровергнуть такое утверждение, однако то, что Г. Ф. Александров ознакомился с «Ответом товарищам» еще в рукописи, — безусловно. Не обходит автор и интересующий нас вопрос, утверждая, что Сталин представил курско-орловский диалект в качестве основы русского национального языка, «опираясь на громадный фактический материал по истории языков» [Александров 1950: 27].

Налицо возможность участия этого партийного деятеля в обсуждении сталинских работ до публикации; при этом Г. Ф. Александров не был лингвистом, однако был и гуманитарием, и компилятором, и даже (как показала «Философская дискуссия» 1947 г.) плагиатором: «Впоследствии, в 1956 г., когда Александрова обвинят в пособничестве Сталину и его приспешникам, вспомнят, что он пользовался не только советами, но и текстами своих помощников» [Батыгин 1991: 103]. То есть нисколько не исключено, что тот же Г. Ф. Александров, участвуя в обсуждении далеких от его специальности вопросов, мог неверно представить какой-либо лингвистический факт, ухватившись за его созвучность патриотическим настроениям вождя.

Еще один важнейший источник сведений об истории языка — литература вопроса; любовь Сталина к книгам общеизвестна: обильное и постоянное чтение сопровождало его долгие годы, его личная библиотека простиралась до 20 тыс. томов, читал он быстро и очень много. Наиболее очевидным видится нам иной путь получения Сталиным книг по вопросам языкознания, нежели использование своей рабочей библиотеки. Поскольку собственно лингвистика вождя ранее не интересовала, он должен был в данном случае действовать иным способом, который использовал постоянно: через А. Н. Поскребышева вождь заказывал подборки книг по интересующим вопросам, «эти книги ему привозили пачками из главных государственных библиотек» [Медведев 2001: 265]. Подборки эти, особенно в неведомых Сталину областях, формировались не в Кремле, а в Библиотеке им. В. И. Ленина — библиографами, исходившими из тематики запроса. А значит, они содержали различные книги и справочные пособия, подобранные по главному систематическому каталогу библиотеки.

То есть Сталин не сам изобрел «курско-орловский диалект», а где-то почерпнул сведения о нем: либо из книг, либо от собеседников, которые, учитывая вездливость главы государства при постижении любых интересующих его областей, должны были сами предварительно протудировать соответствующую литературу.

II.

Мы предполагаем, что источником сталинского тезиса о курско-орловском диалекте как основе русского национального (= литературного) языка явилась научная концепция, которая была сформулирована в конце XIX в. выдающимся специалистом по истории русского языка А. И. Соболевским.

Одной из важных идей 1880–1890-х гг., которую ученый отстаивал в полемике с современниками, была гипотеза о близости древнекиевского говора скорее к говорам великорусским, чем к малорусским. В 1883 г. А. И. Соболевский напечатал в киевских «Университетских известиях» докторскую диссертацию «Очерки из истории русского языка», где утверждал, что «древний киевский говор [...] принадлежал к числу великорусских говоров. Что касается до говора древних северян, занимавших южную Русь на восток от Днепра, то их говор был предком того говора, на котором говорят теперь их прямые потомки — великоруссы, живущие в Черниговской, Курской и Орловской губерниях» [Соболевский 1883: 68–69]; отдельное издание книги (1884) не претерпело никаких изменений (книга печаталась с того же набора) [Соболевский 2004: 68–69].

Эта теория критически была встречена на диспуте, который проходил в беспокойной обстановке [Крымский 1904: 8]. А. А. Потеня тогда подверг сомнению тезис, что «древний киевский говор был совершенно отличен от древнего галицко-волынского наречия и принадлежит к числу великорусских», причем, зная характер А. И. Соболевского, прозорливо предположил, что «Такое предположение, закинутое далеко наперед более основательных фактических исследований, по свойственной людям склонности настаивать на своем, может дать одностороннее пристрастное направление будущим работам» [Потеня 1896: 4].

В том же 1884 г. возразил и И. В. Ягич, который счел выделение киевского говора неверным: «Нет данных для исключения говора киевского из той же области, т. е. из сплошной почвы южнорусского наречия, распространявшегося уже тогда несомненно до Днепра» [Ягич 1884: 99].

В 1885 г. А. И. Соболевский ответил И. В. Ягичу в рецензии «Источники для знакомства с древнекиевским говором» [Соболевский 2006: 443–449], перечислив и памятники «киевского говора домонгольской эпохи» — Мстиславу (Юрьеву) грамоту 1130 г., Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г., два произведения Нестора Летописца — «Житие Феодосия Печерского» и «Чтение о Борисе и Глебе», Триодь Моисея Киянина (он ее считал «Триодью Моисея Киевлянина»). Заключал же следующим: «Основываясь на памятниках, мы считаем для себя

возможным остаться при нашей гипотезе о большей близости древнекиевского говора к говорам великорусским, чем к малорусским» [Соболевский 2006: 449].

Отчасти по причине стойкого сопротивления коллег, в «Лекциях по истории русского языка» (1888) он выразился осторожней: «О древнем киевском говоре, говоре полян, мы имеем крайне скудные сведения. Самые авторитетные памятники этого говора — Мстиславова грамота 1130 г., два Сборника Святославовых 1073 г. и 1076 г. и Триодь Моисея киевлянина [!] XII–XIII в.» [Соболевский 1888: 36]. Говоря о времени существования этого говора, он пишет, что следы его «теряются очень рано, в XII–XIII в., и трудно определить, насколько он пережил страшный погром Батыя. Памятники после-татарского времени, XIV–XV в., писанные в Киеве, не дают нам ясных указаний [...] Во всяком случае, если древний киевский говор еще сохранялся до XV века, нашествия Эдигея и Менгли-Гирея на Киев и вообще частые вторжения крымской орды в киевскую область должны были уменьшить число говоривших им настолько, что они уже не могли устоять против ассимиляции с многочисленными выходцами из Волыни, Подолья и Галичины...» [Соболевский 1888: 199]. Как писал его пристрастный оппонент А. Е. Крымский, «Если он и сделал уступку в своем мнении, то самую небольшую [...] Во всяком случае нынешнее малорусское наречие Киевщины г. Соболевский продолжает считать за пришлое, не происходящее от старокиевского: то исчезло-де бесследно» [Крымский 1904: 9]. Причем число памятников, которые А. И. Соболевский относил к древнекиевским, в «Лекциях» даже увеличено: указаны и Пандекты Антиоха IX в. («писанные едва ли не в Киеве»), Мстиславово Евангелие («написано, вероятно, в Киеве»), Юрьевское евангелие («написанное, вероятно, тоже в Киеве»).

Вероятно, роль в выдвижении этой теории, в том числе выявление в языке памятников «древнекиевского говора» близости к великорусскому (еще до того, как древнерусский язык распался на русский, украинский и белорусский) сыграли и политические убеждения; оппонент А. И. Соболевского писал и более резко о его отношении к малорусской речи, что «вся она слишком мало отличается от великорусской и не заслуживает имени “языка”» [Крымский 1904: 15]). Это, по-видимому, опровергает тезис о том, что крайне правые воззрения А. И. Соболевского не отражались на ученых занятиях: «Как кажется, если не считать довольно решительной позиции слависта в отношении украинского сепаратизма, присущая ему тенденциозность в социальных и национальных конфликтах, раздиравших тогдашнюю империю, никак не проявилась в его академических занятиях» [Буланин 2019: 17].

В 1897 г. А. И. Соболевский публикует статью «Из истории русского языка», в которой он касается в том числе языковых отличий «памятников, так или иначе связанных с Киевом» и отмечает, что «по-видимому, переход мягких **к** и **г** в **т** и **д** — одна из особенностей киевского говора XII–XVI веков». Однако для нас наибольший интерес представляет вывод лингвиста: «Судя по этим особенностям, старый киевский говор был из нынешних говоров особенно близок к говорам Орловской и Курской губерний, которые, по всей вероятности, до движения в Северщину малорусов занимали всю ее территорию. Но он едва ли был чистым русским говором. Трудно сказать, был он переходным от великорусского наречия к малорусскому [...] или (для XV–XVI вв.) говором смешанным. Во всяком случае, позднейшие памятники киевского говора имеют примесь малорусских особенностей» [Соболевский 2006: 199].

Интересно, что А. А. Шахматов в работе «К вопросу об образовании русских наречий», частично принимая соображения Соболевского о киевском говоре, пишет:

Позднейшее общерусское значение Киева создано, как об этом ясно свидетельствует история, не одними полянами: оно создано, а вернее создавалось несколько раз политическим союзом, завязавшимся на севере при помощи варягов. Этим исключительным положением Киева в значительной степени объясняется то исключительное среди русских других племен положение полян [...] Оно же объясняет нам, почему некоторые древние памятники, писанные в Киеве, не содержат тех резких диалектических особенностей, которыми отличаются памятники новгородские или даже соседних с Киевом городов деревской, волынской, может быть, даже самой польской земли: очевидно, в обще-русском городе создано такое наречие, которое утратило или сгладило наиболее резкие диалектические черты. Мы увидим ниже, как с течением времени создано подобное наречие, получившее значение общерусского языка, в Москве — одной из преемниц политической роли Киева. Доказательства того, что в Киеве говорили иначе, чем в соседних южнорусских городах, у нас налицо: они представляются настолько значительными, что побудили лучшего исследователя истории русского языка А. И. Соболевского сначала допустить в Киеве присутствие велико-руссов, а впоследствии — одного из тех племен, которые со временем образовали великорусское племя. Отмечу, словарный состав наших киевских летописей также доказывает смешанный характер киевского говора [...] Несомненно, что на говоре князей и дружины, имевших обще-русский характер, благодаря постоянным их передвижениям, еще яснее должно было отразиться влияние разных русских наречий [Шахматов 1899а: 345].

Сделанный после этого А. Е. Крымским вывод, что «гипотеза о великорусскости старых киевлян уже погребена: от нее отказались и г. Соболевский и г. Шахматов» [Крымский 1904: 107] оказался поспешным:

приведенные выше тезисы о древнекиевском говоре [Соболевский 1888: 38, 199] повторяются практически без изменений даже в серьезно переработанных третьем (1903) и четвертом (1907) издании его «Лекций» [Соболевский 2004: 38, 284]. А в статье «Древнекиевский говор» (1905) он пишет: «А ргіогі можно сказать, что язык Киевской Руси до-монгольской эпохи был близок к языку Дреговицкой и Северной областей» [Соболевский 2006: 230], настаивая, что «вообще нет никаких оснований считать древнекиевский говор тождественным или близко родственным с древним галицко-волынским говором. Напротив того, необходимо видеть в древнекиевском говоре один из говоров, близких к соседним говорам белорусско-великорусского типа [...], хотя — быть может — с некоторыми собственными мелкими чертами» [Соболевский 2006: 234].

Также нужно обратиться к тому источнику, к которому, по-видимому безусловно, обращались как сам Сталин, так и его собеседники. Речь об Энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона, поскольку это издание сохраняло свое значение в качестве основополагающего настольного справочника в течение всего XX в. Здесь в томе «Россия» помещена статья А. А. Шахматова «Русский язык» [Шахматов 1899б], которая излагает концепцию происхождения русского языка, как она представлялась Шахматову в конце 1890-х гг. Эта статья, рассчитанная на широкий круг читающей публики, имеет важные особенности: «Под русским языком Шахматов понимает, во-первых, восточнославянскую группу языков, т. е. языки русский, украинский и белорусский (в рассматриваемой терминологии — “великорусский”, “малорусский” и “белорусский”) в их совокупности. Во-вторых, русский язык — это один из трех восточнославянских языков “великорусский язык”. И, наконец, в-третьих, — это “культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного”. В связи с многозначностью термина “русский язык” наблюдается у Шахматова неустойчивость в употреблении терминов “язык” и “наречие”: он говорит то о “великорусском” (или “русском”), “малорусском” (или “украинском”), и “белорусском языках”, то о “великорусском”, “малорусском” и “белорусском наречиях» [Бернштейн С. И. 1941: 19]. Подобное, впрочем, характерно для ученого: «А. А. Шахматов не всегда с полной точностью употреблял термины: племя, народность, народ и нация, но смутное разграничение соответствующих исторических категорий и понятий все же ощутимо в его лингвистических построениях» [Виноградов 1948: 6].

Описанная терминологическая картина представляла читателям Словаря Брокгауза-Ефрона, не имевшим лингвистической подготовки,

необычно широкие возможности как для трактовки понятия «русский язык», так и, следственно, определения ареала его распространения. В данном случае важно, что русский литературный язык берет свое начало «конечно, в Киеве» [Шахматов 1899б: 580], и, что имеет при рассмотрении нашего вопроса более существенное значение, говоря в этой статье о «южно-великорусском наречии», А. А. Шахматов упоминает, что «в Черниговской, Курской и части Орловской губ. сохранились древние северские говоры, в первой — в смешении, а во второй — в соседстве с малорусскими» [Шахматов 1899б: 568].

Итак, «Колыбелью русского литературного языка является, по Шахматову, Киев. “Первые попытки писать по-церковно-славянски были сделаны, конечно, в Киеве” [...] В Киеве к X веку сложился общий язык, “который стал бы общерусским, если бы Киев сохранил свое общерусское значение”. Этот народный русский язык, т. е. городской разговорный язык, вскоре после возникновения древнерусской письменности, проникает и в сферу письменного словесного обучения: “В скором времени, — пишет Шахматов, — русский язык получил доступ и в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли, письменность: летописи, исторические сказания и юридические акты [...]” По мнению А. А. Шахматова, в великорусских государственных центрах, в начале их зарождения, также употребляется этот киевский государственный язык. “Когда роль Киева для известной части русской земли перешла к Владимиру, а затем, со второй четверти XIV в., к Москве, туда перенеслись и памятники киевской литературы, а также, вероятно, тот городской язык, которым в Киеве говорили духовенство”» [Виноградов 1948: 18]. Теория эта отражена и в другой статье Энциклопедического словаря — «Великоруссы» Д. Н. Анучина: «Изучение древнейших южно-русских памятников XII[!]-XV вв. доказывает даже (по словам проф. Соболевского), что “древний киевский говор был великорусский” и что “нынешнее малорусское население мест, ближайших к Киеву, как и всей страны к востоку от Днепра — пришлое...”» [Анучин 1892: 830].

Подводя итог нашим наблюдениям, мы бы хотели сформулировать собственную версию происхождения термина 1950 г. Вернемся к словам И. В. Сталина: «...некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиваться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка».

Исходя из того, что

а) А. И. Соболевский считал древнекиевский говор одним из диалектов древнерусского (общевосточнославянского) языка, и у нелингвиста могло сложиться неверное впечатление, что этот говор и есть язык так называемой Киевской Руси (в более нейтральном термине — Русской земли [Горский 2014]);

б) А. И. Соболевский причислял ряд выдающихся произведений древнерусской письменности, включая Изборник Святослава 1073 г., к памятникам «древнекиевского говора»;

в) А. И. Соболевский утверждал, что «старый киевский говор был из нынешних говоров особенно близок к говорам Орловской и Курской губерний»,

сама идея Сталина, что язык древнейших памятников письменности развился в курско-орловский диалект русского языка, как будто даже вполне обоснована. В значительной мере простоте такого хода мысли способствовала как широта понятия «русский язык», заложенная в общеизвестной статье А. А. Шахматова, так и упрощенное понимание Сталиным вопросов истории языка. Возможность же заявить о том, что язык Киевской Руси был некогда великорусским, а не украинским, была созвучна его великодержавным настроениям, тем более что формально это подтверждалось трудами «лучшего исследователя истории русского языка А. И. Соболевского» [Шахматов 1899а: 345].

Сокращенные названия архивов

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

Библиография

Александров 1950

Александров Г. Ф., Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма (О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания), *Большевик*, 14, 1950, 24–38.

Алпатов 2004

Алпатов В. М., *История одного мифа: Марр и марризм*, изд. 2-е, доп., Москва, 2004.

Анучин 1892

Анучин Д. С., Великоруссы, *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, 5а, С.-Петербург, 1892, 828–843.

Батыгин 1991

Батыгин Г. С., Советская социология на закате сталинской эры: несколько эпизодов, *Вестник АН СССР*, 10, 1991, 90–107.

Бернштейн С. И. 1941

Бернштейн С. И., А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка, А. А. Шахматов, *Очерк современного русского литературного языка*, изд. 4-е, Москва, 1941, 3–55.

Бернштейн С. Б. 2002

Бернштейн С. Б., *Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи*, Москва, 2002.

Буланин 2019

Буланин Д. М., Лекционный курс А. И. Соболевского о древнерусской переводной литературе, А. И. Соболевский, *Древнерусская переводная литература: Курс лекций*, С.-Петербург, 2019, 5–38.

Виноградов 1948

Виноградов В. В., Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова, *Ученые записки МГУ*, 128: *Труды кафедры русского языка*, 1, 1948, 3–34.

Горский 2014

Горский А. А., Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии, *Средневековая Русь*, 11, Москва, 2014, 7–12.

Дружинин 2024

Дружинин П. А., *Как был основан Институт русского языка Академии наук*, Москва, 2024.

Дудин 1951

Градобоев Н., доц. [Дудин Л. В.], Сталин дополняет марксизм, *Вестник Института по изучению истории и культуры СССР*, 1, 1951, 38–50.

Дурново 1915

Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, сост., Д. Н. Ушаков, ред., *Труды Московской диалектологической комиссии*, 5, Москва, 1915.

Есаков 2000

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, 1922–1991, 1: 1922–1952, В. Д. Есаков, сост., Москва, 2000.

Жирмунский 1936

Жирмунский В. М., *Национальный язык и социальные диалекты*, Ленинград, 1936.

Илизаров 2012

Илизаров Б. С., *Почетный академик Сталин и академик Марр*, Москва, [2012].

Козлов 1958

Козлов С. И., Общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*, 17/5, 1958, 473–481.

Крымский 1904

Крымский А. Е., Филология и погодинская гипотеза. Дает ли филология малейшие основания поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевского о галицко-волынском происхождении малоруссов, *Киевская старина*, 36, 1904.

Куликов 2022

Куликов Л. И., Сталин и «курско-орловский диалект»: к истории одной лингвистической загадки, *Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология*, 72, 2022, 29–45.

Лотман 1993

Лотман Ю. М., Два устных рассказа Бунина. (К проблеме «Бунин и Достоевский»), *Idem, Избранные статьи*, 3, Таллинн, 1993, 172–184.

Медведев 2001

Медведев Р. А., Личная библиотека «корифея всех наук», *Вестник Российской академии наук*, 3, 2001, 264–267.

Потебня 1896

Потебня А. А., *Отзыв о сочинении А. Соболевского «Очерки из истории русского языка»*, 1, Киев, 1884 г., [Подгот. к печ. Б. М. Ляпунов], С.-Петербург, 1896.

Соболевский 1883

Соболевский А. И., Очерки из истории русского языка, 1, *Университетские известия*, 10, 1883, 1–24; 11, 1883, 25–64; 12, 1883, 65–80.

— 1888

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, Киев, 1888.

— 2004

Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка*, 1, предисл. и коммент. В. Б. Крысько, Москва, 2004.

— 2006

Соболевский А. И., *Труды по истории русского языка*, 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько, Москва, 2006.

Тихонов 2015

Тихонов В. В., В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности: дискуссия 1950 года по языкознанию и изучение древнерусской народности в советской исторической науке, *Вестник Удмуртского университета: История и филология*, 25/4, 2015, 58–62.

Трунин 2020

Trunin M., Jurij Lotman à propos du dialecte de Kursk-Orel: aux origines de la célèbre faute du Staline-linguiste, Вельмезова Е., ред., *Дискуссия по вопросам языкознания 1950 года: 70 лет спустя* (= *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, 2), Москва, 2020, 109–117.

Шахматов 1899а

Шахматов А. А., К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей, *ЖМНП (Журнал министерства народного просвещения)*, 322/4, 2, 1899, 324–384.

— 1899б

Шахматов А. А., Русский язык. Россия, 10: Русский язык и русская литература, *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*, 28/55, С.-Петербург, 1899, 564–581.

Ягич 1884

Ягич И. В., *Четыре критико-палеографические статьи*, С.-Петербург, 1884.

References

Aleksandrov G. F., *Novyi vydaiushchiisya vklad v sokrovishchnitsu leninizma (O trudakh I. V. Stalina po voprosam iazykoznaniiia)*, *Bol'shevik*, 14, 1950, 24–38.

Alpatov V. M., *Istoriia odnogo mifa: Marr i marxizm*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Batygin G. S., Sovetskaia sotsiologiia na zakate stalinskoj ery: neskol'ko epizodov, *Vestnik AN SSSR*, 10, 1991, 90–107.

Bernstejn S. I., A. A. Shakhmatov kak issledovatel' russkogo literaturnogo iazyka, A. A. Shakhmatov, *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*, 4th ed., Moscow, 1941, 3–55.

Bernstein S. B., *Zigzagi pamiaty: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*, Moscow, 2002.

Bulanin D. M., Lektsionnyi kurs A. I. Sobolevskogo o drevnerusskoj perevodnoi literature, A. I. Sobolevsky, *Drevnerusskaia perevodnaia literatura: Kurs lektsii*, St. Petersburg, 2019, 5–38.

Vinogradov V. V., Russkii literaturnyi iazyk v issledovaniiax A. A. Shakhmatova, *Uchenye zapiski MGU*, 128: *Trudy kafedry russkogo iazyka*, 1, 1948, 3–34.

Gorsky A. A., Political development of Medieval Rus': the problems of terminology, *Srednevekovaiia Rus'*, 11, Moscow, 2014, 7–12.

Druzhinin P. A., *Kak byl osnovan Institut russkogo iazyka Akademii nauk*, Moscow, 2024.

Gradoboev N. <Dudin L.>, Stalin Amends Marxism, *Magazine of the Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR*, 1, 1951, 38–50.

Esakov V. D., ed., *Akademiia nauk v resheniiakh Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS, 1922–1991*, 1: 1922–1952, Moscow, 2000.

Zhirmunsky V. M., *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty*, Leningrad, 1936.

Ilizarov B. S., *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr*, Moscow, [2012].

Kozlov S. I., *Obshchee sobranie Otdeleniia literatury i iazyka AN SSSR, Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, 17/5, 1958, 473–481.

Kulikov L., Stalin and the dialect of the Kursk-Orel region: notes on the history of a linguistic enigma, *St. Tikhon's University Review. 3: Philology*, 72, 2022, 29–45.

Lotman Yu. M., Dva ustnykh rasskaza Bunina. (K probleme «Bunin i Dostoevskii»), *Idem, Izbrannye stat'i*, 3, Tallinn, 1993, 172–184.

Medvedev R. A., The Private Collection of the “Coryphaeus of All Sciences”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 3, 2001, 264–267.

Sobolevskiy A. I., *Trudy po istorii russkogo iazyka*, 1, Moscow, 2004.

Sobolevskiy A. I., *Trudy po istorii russkogo iazyka*, 2, Moscow, 2006.

Tikhonov V. V., Looking for Kursk-Orlovsky Dialect of Old Russian Nationality: Discussion of 1950 Year on Linguistics and Study of Old-Russian Nationality in the Soviet Historical Science, *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 25/4, 2015, 58–62.

Trunin M., Jurij Lotman à propos du dialecte de Kursk-Orel: aux origines de la célèbre faute du Staline-linguiste, E. Velmezova, ed., *The Linguistic Discussion of 1950: 70 Years Later* (= *Epistemologica et historiographica linguistica Lausannensia*, 2), Moscow, 2020, 109–117.

Петр Александрович Дружинин,

кандидат исторических наук,

старший научных сотрудник

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

petr@druzhinin.ru

Received December 3, 2023